

Киселёв А. А.

УО «Белорусский государственный экономический университет»,
Минск, Беларусь

Kiselev A.

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

УДК 94(476):351.744

УЕЗДНАЯ ПОЛИЦИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1905 ГОДУ (НА ПРИМЕРЕ ОШМЯНСКОГО УЕЗДНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ)

THE DISTRICT POLICE OF THE BELARUSIAN PROVINCES IN 1905 (ON THE EXAMPLE OF THE OSHMYANY DISTRICT POLICE DEPARTMENT)

Уездные полицейские управления белорусских губерний оказались не готовы к массовым протестам как в уездных городах, так и в сельской местности. Особенностью этих протестов стало насилие со стороны участников беспорядков. В результате малочисленность полиции стала причиной привлечения к охране порядка воинских подразделений русской армии. В условиях 1905 г. общая полиция не имела возможности широко применять легальное принуждение, ограниченно использовала оружие.

Ключевые слова: полиция; белорусские губернии; уездные полицейские управления; революция 1905–1907 гг.; массовые беспорядки.

The district police departments of the Belarusian provinces turned out to be unprepared for mass protests both in district cities and in rural areas. A feature of these protests was the violence against police officers used by rioters. As a result, the small number of police became the reason for the involvement of the military units of the Russian army in the protection of order. Under the conditions of 1905, the general police did not have the opportunity to widely use legal coercion, and used weapons to a limited extent.

Keywords: Police; Belorussian provinces; county police departments; revolution 1905–1907; mass riots.

В период политического кризиса 1905–1907 гг. Ошмянский уезд являлся одним из самых беспокойных мест Виленской губернии. Такую репутацию уезд приобрел во многом благодаря революционным организациям Сморгони, но не оказались в стороне и уездные Ошмяны. Не случайно местные группы РСДРП и Бунда в 1905 г. удостоились отдельной статьи в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» [1]. По советской

историографической традиции политическим противникам самодержавия до сих пор уделяется больше внимания при описании происшедшего в 1905 г., чем деятельности органов власти и их представителей. Эта диспропорция не позволяет реконструировать целостную картину событий в белорусских губерниях в период 1905–1907 гг. В этой связи характеристика Ошмянского уездного полицейского управления (далее УПУ. – А. К.) как структуры правопорядка во время акций политического протеста и беспорядков позволяет внести некоторые уточнения и коррективы в наши представления о деятельности общей полиции во время первого года острого политического кризиса, который в отечественной историографии называют революцией 1905–1907 гг.

В начале XX в. Ошмянская уездная полиция состояла из нескольких чиновников: исправника, его помощника, секретаря, двух столоначальников, регистратора, четырех станowych приставов и полицейского надзирателя, служившего в Ошмянах [2, с. 217]. По всей видимости, большинство чиновников были местными уроженцами. На это указывают такие косвенные данные, как учебное заведение, которое окончил будущий полицейский чин Ошмянского УПУ, и вероисповедание. В частности, семь чиновников (64 %) окончили местные учебные заведения (Новогрудскую гимназию, Троцкое и Виленское уездные училища, Кобринское двухклассное училище, Молодечненскую и Несвижскую учительские семинарии). Регистратор Г. Ф. Баранович ограничился домашним воспитанием, но его католическое вероисповедание недвусмысленно выдает в нем выходца из губерний Западного края. Этот чиновник оказался единственным католиком среди полицейских офицеров, что неудивительно вследствие негласных ограничений на замещение католиками классных должностей в местных органах власти.

С 1 января 1904 г. в Виленской губернии в рамках общероссийской реформы стали формироваться отряды уездной стражи. Следует отметить, что ее создание дискутировалось во время работы комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. Например, члены Ошмянского уездного комитета в один голос констатировали необходимость создания «вооруженной стражи, с войсковой организацией, на образец западноевропейских корпусов жандармов, на обязанности которых возложить: следить за порядком, за подозрительными лицами и своим всегда возможным появлением парализовать действия конокрадов и поджигателей» [3, с. 145]. К концу 1905 г. в Ошмянском уезде порядок охраняли 24 урядника, 107 пеших и 21 конных стражни-

ка. Интересно, что почти все они были «из местного населения, с 50 % православных» [4, л. 90]. Стража была распределена на восемь отрядов.

В Ошмянах располагалась вся конная стража под непосредственным командованием исправника и 13 пеших стражников, 30 стражников охраняли порядок в Сморгони. Остальные небольшими подразделениями в 10–14 человек были расквартированы в местечках Гольшаны, Крево, Ивье, Воложин, Налибоки и Девенишки. Термин «расквартированы» имел практически буквальное значение, поскольку только в Сморгони для 15 холостых стражников удалось приискать казарменное здание. Остальные стражники жили «по квартирам» [4, л. 90].

Кроме чинов полицейской стражи в городах находились городовые. В 1905 г. в Ошмянах обязанности по патрульно-постовой службе исполняли восемь городских, а в Сморгони оказалось итого меньше: три фабрично-заводских городских [5, л. 2]. Этот штат полиции обеспечивал порядок в уезде населенностью в почти четверть миллиона человек (к 1906 г. 247 751 чел.), т. е. плотность полиции на 1000 человек составляла приблизительно 0,7 чина. При этом нельзя забывать о площади подведомственной полиции территории: Ошмянский уезд был самым обширным в Виленской губернии и занимал 6,05 тыс. кв. верст, причем станковые оказались разбросаны на большом расстоянии от исправника. Например, квартира станowego пристава в Воложине располагалась в 56 верстах от уездного центра, а третий стан в Субботниках находился чуть ближе – всего в 48 верстах.

По сравнению со Сморгонью Ошмяны были более спокойным в политическом отношении городским центром. Однако несколько случаев масштабных беспорядков показывают неспособность полиции своими силами гарантированно справиться с участниками волнений. Когда 24 января 1905 г. в Ошмянах началась забастовка, то для усиления полиции в течение суток пришлось спешно стягивать в уездный центр 14 урядников и 56 стражников, т. е. почти половину всей стражи уезда. Толпа забастовщиков, в которой по полицейским донесениям преобладали евреи-подростки, ходила по улицам и кричала «ура, долой полицию, долой чиновников» [6, л. 27]. 25 января 1905 г. ошмянский исправник Савин доносил о том, что накануне в городе забастовавшими рабочими планировалась новая демонстрация. По мнению полицейских чинов, забастовка произошла под влиянием приезжих «из других местностей неизвестных личностей» [6, л. 26]. Интересно, что предприниматели отказывались давать показания о забастовке, поскольку опасались

«мести» [6, л. 26]. Исправник предполагал, что в будущей демонстрации планируется участие забастовщиков из Сморгони. В этой связи начальник уездной полиции запрашивал для усиления полиции конный отряд в 20 казаков. Присылка военного отряда, по мнению исправника, являлась не просто страховкой, но следствием недостаточных сил полиции. В этот же день забастовщики попытались сорвать занятия в местном городском училище под предлогом выражения сочувствия к забастовке. Однако инспектор училища сумел на какое-то время уговорить рабочих покинуть помещение. Когда рабочие стали покидать здание училища, появились городовые, задержавшие одного из забастовщиков. Впрочем, задержание демонстрантов оказалось не таким простым делом. Так, попытка задержать другого участника забастовки во дворе училища обернулась тем, что городовому «нанесены были четырьмя неизвестными лицами, резиновыми нагайками побои, и лишь после обнажения шашки ему удалось освободиться» [6, л. 27]. По показаниям учеников большинство демонстрантов, пришедших в училище, имели в руках нагайки, а «у некоторых видны были револьверы» [6, л. 27]. 25–26 января полиции удалось арестовать на улице несколько активных участников забастовки и демонстрации. После переговоров фабричного инспектора и чинов полиции с рабочими и предпринимателями забастовка была прекращена. Уже 29 января 1905 г. к работе приступили рабочие христиане, а спустя два дня бастовать прекратили евреи. Несмотря на прекращение волнений, по настоянию исправника в городе оставили для усиления четырех урядников и восемь стражников при взводе казаков в 25 чинов. Шестеро задержанных получили наказание в виде трех месяцев тюремного заключения.

Однако описанные выше массовые беспорядки в городе оказались не последними. В следующий раз их зачинщиками 3 февраля 1905 г. стали окрестные крестьяне. Они отказались отогнать предназначенный на продажу скот на городской скотопригонный двор для ветеринарного осмотра и оплаты пошлыны. Толпа крестьян набросилась на надзирателя и двух стражников с криками «бей полицию» [6, л. 35]. Полицейским были «нанесены оскорбления действием». Другая часть толпы направилась на скотный двор и стала ломать санитарную будку. Только появление исправника, а вслед за ним и казачьего отряда прекратило погром. Полиции удалось задержать семерых крестьян, которым предстояло просидеть под арестом при управлении один месяц. Интересно, что ставший причиной беспорядков скотопригонный двор был

учрежден в Ошмянах 10 июня 1904 г., т. е. его существование, скорее всего, не было новостью для крестьян. Оплата за каждую голову крупного рогатого скота равнялась всего 10 коп.

Следует отметить, что полицейское дознание в отношении участников незаконных демонстраций и иных протестных акций часто заходило в тупик. Причиной являлся отказ от дачи свидетельских показаний из опасения мести забастовщиков или революционеров. В частности, комментируя попытку проведения 7 июня 1905 г. демонстрации в Ошмянах, исправник отметил, что установить ее «участников посредством частных лиц не представилось возможным, так как местное население из боязни агитаторов не желает говорить, кто были агитаторами и участниками означенного сбирища» [6, л. 131]. Еще один пример. В своем рапорте от 7 сентября 1905 г. губернатор К. К. Пален, сообщая о принуждении к забастовке в Ошмянах портняжных мастерских Н. Эпштейна и Ш. Друскина, доложил о том, что организаторы забастовки угрожали портным револьвером. После их отказа присоединиться к забастовке «были разбиты окна в квартирах означенных портных». Однако оба пострадавших при снятии показаний отказались от первоначальных слов, что «несомненно последовало под давлением забастовщиков» [6, л. 219]. Полиция специально отмечала факты давления на рабочих при организации забастовок. Например, сообщая о забастовке ошмянских кожевников 19 сентября 1905 г., губернатор, подчеркивая мирный характер проведения забастовки, указал, что бастующие не оказывали «давления на рабочих других производств» [6, л. 224].

Обыденной стороной беспорядков являлось применение демонстрантами огнестрельного оружия против полиции. В Ошмянах вечером 25 июля 1905 г. манифестация закончилась тем, что «при рассеивании толпы демонстранты стреляли в чинов полиции, вследствие чего бывший на месте беспорядков помощник исправника ответил также выстрелом из револьвера» [6, л. 139]. Это сообщение побудило виленского губернатора К. К. Палена обратиться на следующий день в штаб Виленского военного округа с просьбой направить в ряд городов и местечек губернии военные подразделения. В Ошмянах после этого обращения появилась рота пехоты, «принимая во внимание крайнюю малочисленность и недостаточность сил уездной полиции» [6, л. 139]. Последующие материалы дознания показывают более детальную картину событий 25 июля. В рапорте на имя генерал-губернатора А. А. Фрезе указывалось, что толпа манифестантов численностью 200 человек была

вооружена: «У мужчин были в руках револьверы, кинжалы и кистени, которыми они махали в воздухе». Манифестанты несли черный анархистский и два красных флага, пели антиправительственные песни и выкрикивали лозунги. При приближении полиции толпа бросилась бежать вверх по Виленской улице, но «по пути остановились, дали по наряду полиции на расстоянии около 60-ти шагов пять или шесть выстрелов» [6, л. 176]. В рапорте честно признавалось, что преследование решили прекратить «в виду крайнего переутомления чинов полиции, недостаточности числа их и опасности, грозившей им благодаря тому, что большинство демонстрантов было вооружено» [6, л. 177]. Дознание установило, что беспорядки произошли во многом по причине их активной организации революционерами, приехавшими в Ошмяны из Минска, Вильно и Сморгони. Впоследствии в июле-августе полиции удалось арестовать 19 человек, причем показательна мягкость наказания: 12 манифестантов, у которых в руках было оружие во время манифестации, заключались под стражу на три месяца, а остальным было назначено два или один месяц ареста при управлении.

Факт массового вооруженного политического протеста и слабость полиции привели в конечном итоге к тому, что в городах и крупных поселениях Ошмянского уезда на сравнительно длительный срок размещались военные подразделения. В конце 1905 г. в Ошмянском уезде размещались два взвода казаков в Сморгони и еще один казачий взвод в местечке Воложин. В самом же уездном центре стояла рота пехоты. В планах по размещению войск на 1906 г. проектировалось убрать казаков из Воложина, но предполагалось сохранить пехотную роту в Ошмянах в силу «повторяющихся попыток к производству беспорядков» [7, с. 41]. Очевидным казалось и сохранение присутствия казаков в Сморгони, поскольку последний «как крупный рабочий центр не может быть оставлен без подвижной воинской силы» [7, с. 41].

По сравнению с крупными городскими беспорядками, имевшими частую политическую подоплеку, в сельской местности неповиновение приобретало иные формы. В глазах крестьян личность полицейского вовсе не казалась неприкосновенной. Чины стражи могли подвергаться нападениям со стороны сельских жителей. В частности, в м. Девенишки попытка стражника прекратить драку между крестьянами закончилась нападением на стража порядка. При этом виновник драки Жиборт спустя полчаса явился в квартиру урядника и потребовал составить протокол о пропаже 25 руб. Требование сопровождалось тем, что «жерт-

ва» мнимой кражи «в квартире урядника поносил его и всю полицию площадной бранью» [6, л. 70–71]. Выйдя на улицу, он стал ломать дверь и призвал к этому толпу. Стражник, попытавшийся прекратить хулиганские действия, был избит толпой до потери сознания. В итоге губернатор в целях «поддержания авторитета полиции среди сельского населения» ходатайствовал перед генерал-губернатором о содержании под стражей трех задержанных крестьян в течение двух месяцев. Показательно, что зачинщик избиений оказался бывшим десятским, т. е. выборным нижним чином сельской полиции от крестьянской общины.

Интересно, что чины уездной полиции, сталкиваясь с неповиновением или сопротивлением, далеко не сразу прибегали к силе, а старались разрешить проблему путем переговоров и не стремились тут же использовать оружие. В частности, после того как крестьяне д. Полуша Полянской волости Ошмянского уезда с помощью насилия прекратили работу казенной мельницы и забрали шлюзы, сперва 14 декабря в деревню приехал пристав и уговаривал крестьян «возвратить шлюзы и не препятствовать работе мельницы», но получил решительный отказ. Спустя неделю в деревне появились два урядника и пять стражников, но им было оказано сопротивление. На следующий день, 22 декабря, в поселение вновь приехал пристав, «но ему также было оказано сопротивление». Только в последний день уходящего года пристав вернулся в деревню вместе с урядником и отрядом из 34 полицейских стражников. Сперва в деревню был направлен конный стражник с предложением добровольно отдать похищенное имущество, но назад он вернулся «с окровавленной правой рукой и доложил, что крестьяне в ответ на его предложение выдать шлюзы нанесли ему побои». Въехав в деревню, отряд обнаружил, что дома, где жили организаторы беспорядков, заперты изнутри. Аресты пришлось проводить после безуспешных просьб, вскрывая двери силой. Однако в одном доме развернулась настоящая схватка, в которой крестьяне оборонялись топорами, ножами и камнями. После неоднократных предупреждений о применении оружия чины полиции получили ответ «врете, стрелять не будете» [7, с. 49]. После предупредительного выстрела из избы прокричали, что стреляют холостыми. Только после последнего безуспешного предупреждения стражники открыли огонь на поражение, убив двух и ранив одного крестьянина. Всего во время этой полицейской операции было арестовано 13 участников беспорядков. Нельзя не отметить, что полиция предприняла практически все меры, чтобы избежать трагического исхода конфликта, прежде чем применила оружие.

Таким образом, чины Ошмянского УПУ, столкнувшись с массовым неповиновением и сопротивлением властям, были вынуждены прибегнуть к помощи воинских подразделений русской армии. Это обуславливалось малочисленностью полиции, которая, несмотря на появление в 1904 г. отрядов военизированной полицейской стражи, не располагала силами, способными поддерживать плотный полицейский контроль над населением почти в четверть миллионна человек на столь значительном пространстве уезда. Чины полиции вовсе не ощущали себя в безопасности и не пользовались непререкаемым властным авторитетом в глазах местного населения. Нападения на служителей порядка при исполнении превращались в повседневную практику их службы в 1905 г. Во время политических акций в Ошмянах революционеры применяли против полиции огнестрельное оружие, были вооружены иными средствами нападения: нагайками, ножами. Интересно, что аресты активных участников беспорядков, сопровождавшихся сопротивлением или нападением на полицию, завершались сравнительно мягким наказанием виновников. Дознание против участников беспорядков осложнялось нежеланием свидетелей, в том числе предпринимателей, сотрудничать с полицией из опасения мести со стороны революционеров. Большинство чинов Ошмянского УПУ – от стражника до полицейского офицера – были уроженцами белорусских губерний.

Список использованных источников

1. Біч, М. В. Ашмянскія выступленні працоўных 1905 / М. В. Біч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1: А – Беліца. – С. 241–242.
2. Памятная книжка Виленской губернии на 1904 год. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1904. – 461 с.
3. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: в 58 вып. – СПб.: Тип. Н. Евстифеева, 1903. – Вып. IV: Виленская губ. – 212 с.
4. Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 1903. Д. 61.
5. ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 1907. Д. 215.
6. ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 1905. Д. 2.
7. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженное восстание ноябрь–декабрь 1905 год / под ред. А. Л. Сидорова. – М.: АН СССР, 1957. – Ч. IV. – 1002 с.

(Дата поступления: 29.09.2020).